

Российский писатель, французский бомж,

или Удивительные похождения Николая Бокова дома и на чужбине

Богу — Богово, А Бокову — боково.

Андрей Вознесенский.

Во французском издательстве «Нуар сюр блан» вышла книга российского писателя и философа Николая Бокова «На улице Парижа», посвященная годам его бродяжничества. Прежде чем попасть во Францию, он напечатал на Западе роман «Никто», сатиру «Смута новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова», написанную в соавторстве с Борисом Петровым, которая была переведена на многие европейские языки, книгу «Смех после полуночи», пьесы «Наташа и Пивоваров» и «Чудеса химии» об использовании психиатрии в политических целях. Затем начались годы скитаний и странствий по Европе. Только в декабре прошлого года 53-летний Николай Боков решил вернуться к «нормальному» образу жизни и получил комнату в Международном городке искусства в Париже — общежитии, где обитают художники, артисты и писатели из разных стран.

— При каких обстоятельствах вы покинули Советский Союз и оказались во Франции?

— Я учился в Московском университете на философском факультете, окончил его в 1969 году и тогда же поступил в аспирантуру. Два года спустя был из нее отчислен по политическим причинам — мой знакомый, Дмитрий Михеев, пытался бежать за границу по подложным документам. Не получилось, он был арестован и получил 8 лет. После чего органы занялись всеми его знакомствами. Плюс еще прибавилось дело, связанное с самиздатом. Все вместе привело к тому, что меня исключили из аспирантуры. Затем я пытался устроиться на работу на Севере, вернулся в Москву, устроился социологом в Фундаментальную библиотеку по общественным наукам при Академии наук. Дела все равно ухудшились, и меня уволили с работы в 1974 году в связи с «делом 64» — киевское дело самиздатчиков. Тогда я захотел уехать. Власти, то есть КГБ, не только не возражали, а предлагали подумать об этой возможности, прибавляя странные слова, что «вы не любите Россию, не поехать ли вам посмотреть мир». В конце концов я «захотел посмотреть мир» и сказал, что готов эмигрировать. Но в КГБ заявили, что у нас нет эмиграции, но есть воссоединение с семьей за рубежом, в Израиле в частности. Но у меня нет семьи в Израиле, и по документам я не еврей. На что мне ответили, что у вас есть друзья в Израиле, которые вас могут пригласить. Друзья пригласили, и уехал не только я с семьей в 1975 году, но и мой двоюродный брат художник Константин Боков. Он обосновался в Нью-Йорке, где живет до сих пор со своей женой. Мы же приехали в Вену и затем переехали в Париж по приглашению знакомого слависта.

— Вы сразу нашли себе работу в «Русской мысли» — единственной газете нашей эмиграции в Европе, которую тогда возглавляла Зинаида Алексеевна Шаховская. Она и сейчас вас очень тепло вспоминает и говорит, что с вашего лица в молодости можно было писать икону... Тесно общались вы и с Синявским...

— Действительно, работа быстро нашлась в «Русской мысли», где я оставался до 1981 года. Затем возникли новые перспективы. К этому времени швейцарское издательство «Диоген» стало готовиться к выходу мой роман «Чужеземец». Одновременно оно мне предложило интересный вариант — стать у них писателем. Я получал зарплату каждый месяц, и, когда им нужно было, мне заказывали интересующий их материал, связанный с Россией. Так я жил 10 месяцев, делил свое время между Германией и Францией. Потом все изменилось. Это был 1982 год, совпавший с очень важными событиями в моей жизни, которые называют теперь мистическими: я нашел веру в Бога и пережил то, что называется обращением.

— С чем же было связано ваше обращение?

— Главным событием было то, что от неверия я пришел к вере... Я не знал, что мы бессмертны. И вдруг оказалось, что есть жизнь после смерти и что имеет значение, как ты живешь эту жизнь здесь... Бог есть,

вот что было существенно и очень важно. С 1982 года, за 16 лет, я многое пережил, знал много разных ситуаций и очень много читал. Практически я оставил все свои прежние интересы и в течение 10 лет читал Библию, отцов Церкви, изучал историю Церкви и самостоятельно получил новое образование...

— И вы совершили паломничество пешком в Иерусалим?

— В 1986 году я отправился в Святую землю, сначала пешком, потом автобусом. Туда это заняло 3 месяца и обратно столько же. В Израиле я прожил пять с половиной месяцев, затем в Турции — месяцы и на горе Афон в Греции — четыре. Всего получилось почти полтора года такого колоссального опыта — причем в состоянии бедном. У меня ничего не было, и я был подвержен всем стихиям и всем ветрам.

— Вернувшись из святых мест, вы начали в Париже жизнь бродяги. Это был сознательный выбор? «Бомж», пишете вы, — чудный неологизм, в котором слышится «Боже мой!», «Божия матер!».

— Это был 1988 год, когда у меня к жизни было такое отношение, что все совершается по воле Бога. Я вернулся в Париж, был февраль, холодно. Постучался в двери разных знакомых, разных организаций. Нашел пустующую комнату, куда меня могли бы пустить, но этого не произошло. Я стал думать, что воля Бога иная, и начал жить на улице. И потом такое состояние советует некоторыми ранними христианскими авторами — остаться там, где тебя нашел Бог, на улице, жеманно даже в иноязычной среде.

— Вы установили следующую иерархию человеческих инстинктов — жажда, жара, холод, голод, секс...

— В книге «На улице Парижа» я рассуждаю о том, из чего сделан человек. Когда сняты наши повседневные привычки, социальные условия, что остается? Хочется пить, есть, спать в тепле и в конце концов секс, который отодвигается на задний план. Тут есть иерархия, не правда ли? Когда вы хотите пить, это сильнее, чем когда вы хотите есть, и т.д.

— При этом вы, если я правильно понимаю, считаете, что жизнь бомжа не лишена приятностей — свобода, беззаботность, никакой ответственности. Такая жизнь затягивает?

— Нет, не затягивает. Вы будете тосковать по теплоте помещения, куда вам хочется прийти, по общению с людьми — с друзьями, с семьей. Приятно всегда сидеть у себя и принимать гостей. Но если не слишком стремиться к обычному уюту и комфорту, то возникает ощущение подвешенности в воздухе и очень сильное ощущение ожидания — причем каких-то крупных событий. Я имею в виду веру, то, что ты ходишь под Богом и не знаешь, как он устроит твою следующую минуту жизни.

— Ничто не изменилось в вашей вере со времени вашего обращения в 1982 году?

— Изменилось. Раньше я много занимался разницей между православием, католичеством и протестантизмом, а сейчас оставил эту тему. Мне интересна теперь интенсив-

ность веры. Если я ее вижу у православного монаха, он для меня также интересен, как монах католический или протестант.

— Бывали, наверное, и минуты отчаяния?

— Да. В основном, перед холодом — осенью или зимой... Но у меня было много занятий. Я по-прежнему занимался философией, читал немного по социологии и писал, как я всегда писал с 15 лет.

— А вам не приходилось роптать на Бога?

— В те годы нет. Это были очень счастливые 4 года — с 1988-го по 1992-й. Две зимы я не оставался в

— Нет, я не француз, но апатрид под покровительством Франции. И это ничего не меняло. В Париже каждый день забирают 80–100 клошаров, их везут в пригород Нантер (там расположено специальное заведение для «дезинфекции» бомжей. — Ю.К.). Это гигиеническая мера. У них проверяют документы, пытаются мыть, стричь, кормят. Они там ночуют, и на следующий день их отпускают. Однажды в Нантер забрали и меня...

— Наверное, непросто заставить себя стоять с протянутой рукой?

— Первый раз очень долго не получалось. Мне очень помог один

можно пригласить рассмотреть ситуацию другого и показать, что ему нужна помощь. Что значит скупой? В первое мое нищенство, в свою первую попытку, когда на мессе присутствовали приблизительно 100 человек, я получил 20, а Жан-Мари 15 франков.

— Ваша жизнь бомжа продолжалась долгие четыре года. Что было потом?

— В 1992 году у меня появилось желание пригласить некоторых своих родственников из Москвы. Я стал думать, что мне понадобятся деньги, и принялся искать возможность их заработать. Летом пытался

— Когда вы написали книгу «На улице Парижа»?

— В 1995–1996 годах я сначала написал очень важную для себя книгу «Обращение» — история моего обращения в веру. Затем я оставил литературу и думал, что окончательно. Но мне было интересно параллельно писать мелкие вещи. Книгу «На улице Парижа» я издал типичным самиздатом — может, 15 экземпляров, раздал ее своим знакомым русским и французам, которые читают по-русски. В 1997 году я получил письмо от переводчицы Минущиной, которая написала, что, если меня интересует, она может предложить книгу издателью. Книга вышла весной 1998 года.

— Напомните, о чем ваша первая книга, вышедшая на Западе под названием «Голова Ленина»?

— Книга вышла в российском самиздате в 1970 году, и у меня был соавтор Борис Петров, журналист, который до сих пор живет в Москве. Она называлась «Смута новейшего времени, или Удивительное похождение Вани Чмотанова». Жулик Ваня попадает в ленинский мавзолей, и у него появляется идея, нельзя ли украсть эту голову и продать в Америку миллионерам. Это ему удается, и получается почти государственный переворот, немного напоминающий тот, что случился в России в 1991 году, хотя вся история выдумана к столетию со дня рождения Ленина.

— Сейчас вы полностью вернулись в нормальную жизнь?

— Да. Началась новая страница в жизни, и я не знаю, чем она кончится. Когда я жил на улице, то думал, что кончу свои дни в монастыре. Но вдруг опять я оказался в нормальной жизни. У меня разные планы. В этом году в том же издательстве «Нуар сюр блан» должна выйти повесть «Обед на побережье Балтийского моря», которая задумана как киносценарий. Затем, надеюсь, выйдет «Обращение», и я уже давно делаю записи для книги, которая может называться условно «Роза ветров». Это воспоминание о моей жизни, и я хочу посмотреть, что могу из нее извлечь, из разных поворотов и изменений моей судьбы.

— Вы собираетесь посвятить своей 22-летней дочери свою следующую книгу?

— Дочь у меня инвалид от рождения и живет в Верней-сюр-Авре, маленьком городке в Нормандии, в приходе для инвалидов, где я ее навещаю. Я написал уже часть книги, которая будет называться «Моя дочь Мария: моя сестра». Здесь будет две темы. Она, моя дочь, как человек. Но она моя сестра, поскольку мы живем в вере вместе с ней.

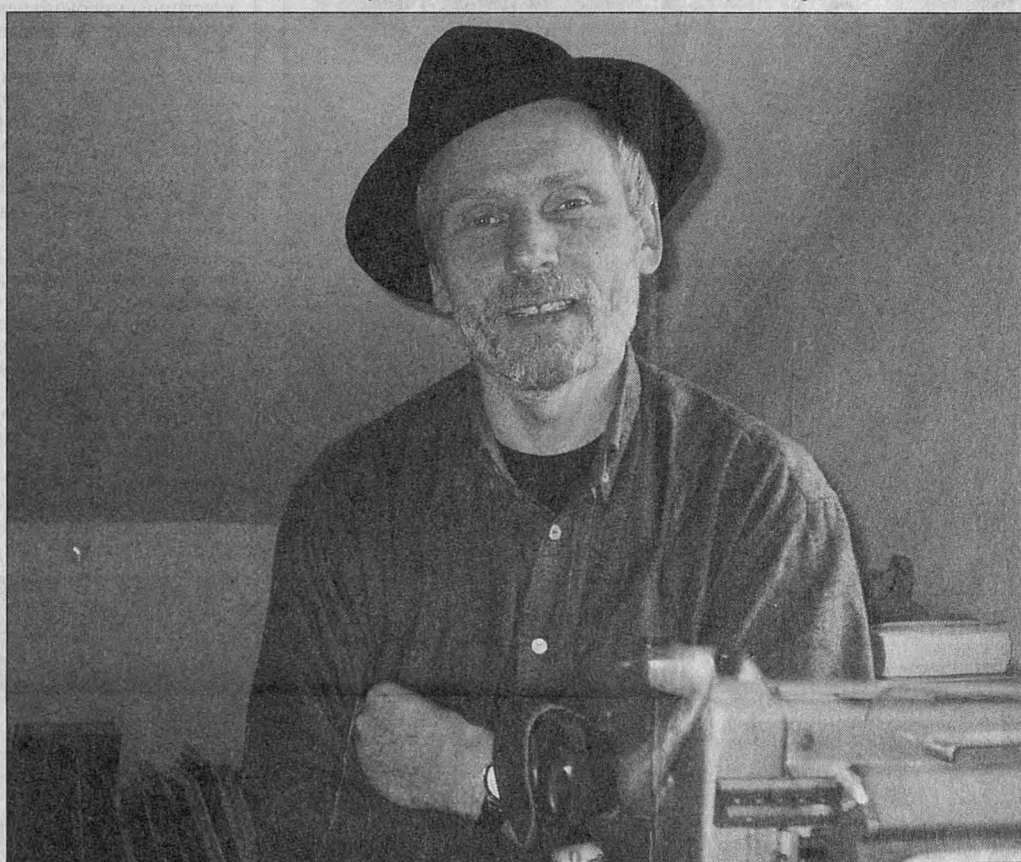
— То, что дочь инвалид, это для вас большая трагедия?

— Нет. Потому что трагедия происходит один раз, а потом люди живут в ее последствиях. Перманентная трагедия — это немножко другое. И, конечно, ее инвалидность — это колоссальное событие в моей жизни, в жизни ее матери. Но вместе с тем это событие, которое меня очень изменило, подготовило ко многим вещам, к восприятию чужой немощи, слабости, несчастья. Дочь моя очень взрыхлила своей инвалидностью.

— Что вы сегодня думаете о нас — простых смертных? Какие мы? Добрые, злые, интересные?

— Очень интересные. Иногда люди не задумываются о том, какой интерес представляет их судьба... Я не скажу, что злые — скорее добрые, но они могут быть обозлены. Если не считать каких-то экстремальных состояний — нацизма в Германии и фашизма в Италии или разгара коммунизма в России, когда жестокость становится ежедневным событием.

Юрий Коваленко, «Новые Известия», Париж.

«Признать себя нищим — это очень сильное духовное упражнение...».

Париже, а отправлялся в Бургундию, где я мог жить 2–3 месяца на заброшенной ферме, которую нужно было отремонтировать. За ремонт я имел ночлег и еще пищу.

— Чувство одиночества вас не мучило?

— Нет. Потом, когда покупаешь хлеб, пойти поздороваться с булочником — это было большим пиришеством, колоссальным общением... В те годы я, например, изменил свое отношение к анкетным данным. В молодости это мне казалось страшным скучным делом — когда роллился, кто такой, где учился... И вдруг, когда наступило одиночество, я стал ощущать, что все это очень много рассказывает о человеке и так же важно, как то, какая у него голова на плечах, какие руки и ноги.

— У вас были приятели-клошары?

— Нет, у меня были интересные встречи еще с двумя-тремя искателями Бога. Я был очень доволен, что познакомился с одним из них, жившим тогда в Венсенском лесу (прилегающий к Парижу лесопарк. — Ю.К.). Жерар бросил нормальную жизнь, обитал на улице 10 лет и изучил Библию до такой степени, что мог консультировать трудные места... Но на улице не складываются дружбы.

— Соприкасаются ли два мира — людей нормальных и тех, кого называют «лишними»?

— Соприкасаются. Ведь много организаций, что называется, по милосердию. Это могут быть и общественные, и государственные, и церковные организации. Вот вам уже контакт. Наконец, полиция занимается бомжами и клошарами — это тоже контакт, хотя своеобразный.

— У вас французские документы?

ниший Жан-Мари. В 1986 году для меня это было еще упражнение. Я пришел к церкви и спросил у него, как это делается. Жан-Мари сказал: «Очень просто. Вставай в дверях напротив меня и протягивай руку!». Такой жест был очень важным, радикальным, поскольку в этот момент человек признает свое социальное поражение, то, что он никто и ничто. И все наше самолюбие, которое мы имеем с детства и воспитанное всем ходом жизни, начинает возмущаться. Признать себя нищим — это очень сильное духовное упражнение. Я советую его каждому человеку, может быть, даже женщине... Женщине — с некоторой оговоркой... Но мужчина в определенном возрасте должен это сделать, чтобы увидеть, насколько все его существо этому сопротивляется.

— Говорят, что в Париже есть целая русская мафия нищих...

— Мафия нищих? Это противоречие. Мафия — люди богатые. Русских нищих я встречал не на улице, а, например, в Национальном центре искусства и культуры имени Помпиду в Париже. Они ходят бесплатно смотреть телевизор и просто греться. Многие пытаются найти место в ночлежке. Я знал одного русского нищего, который гордился, что за три года жизни на Западе ни разу не спал на улице, всегда устраивался на ночлег.

— Французы подают скупую...

— Когда я приехал на Запад, то понял, что русская литература их представляла неправильно. У нас ведь он легкомысленный, «французский из Бордо», что совершенно не соответствует действительности. Француз очень рассудительный. Его

устроиться сельскохозяйственным рабочим, а также в бригаду парковых рабочих — подстригать деревья, ухаживать за ними. В конце концов я устроился разнорабочим на подставки при мэрии в пригороде Парижа, работал год по договору... Потом поселился в карьерах, оборудованных себе под Парижем в Ганьи пещере для жизни. Здесь меня посетили мои родственники — сын Максим, который живет в Москве, биолог, серьезный, солидный человек, и его жена. Ему было интересно и забавно. Затем я принял в гости семью московского литератора Марка Лянда, который приезжал со своим сыном Даниилом. Они тоже остались очень довольны — им казалось романтично.

— И как долго вы оставались пещерным человеком?

— До декабря прошлого года.

— И почему вы покинули свою обитель?

— Еще в 1986 году я стал думать, что у меня нет ничего нового и что жизнь состоит из повторений. В 1997 году это чувство усилилось. Весной 1998 года вышла книга, тогда же я заболел, попал в больницу, после которой стал думать, что наступающую зиму мне не получится прожить благополучно... Я подал заявление в Международный городок искусства, и в декабре сказали, что дают мне место на год.

— Чем вы сейчас зарабатываете на жизнь, бросив бродяжничество?

— В 1992 году я устроился на работу при мэрии, а затем, когда уволился, меня сделали «эремистом» (так во Франции называют тех, кто получает минимальное прожиточное пособие RMI — примерно 2500 франков в месяц. — Ю.К.), и с тех пор я живу в благоденствии.